

На правах

рукописи **Пшёнкина Татьяна Геннадьевна**

**ВЕРБАЛЬНАЯ ПОСРЕДНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА
В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ:
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.19 - теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Барнаул - 2005

Общая характеристика работы

В реферируемой диссертации изучается круг вопросов, связанных с *речемыслительной посреднической деятельностью переводчика*. На основе интегративного подхода, синтезирующего данные психолингвистики, семиотики, когнитивной лингвистики и межкультурной коммуникации, предлагается концепция вербальной посреднической (медиативной) деятельности переводчика в процессе межкультурной коммуникации, в которой языковая личность и, в частности, её языковая способность выступают главными системообразующими факторами перевода.

Понятие «языковое посредничество» (О. Каде) раскрывается при обращении к процессу общения разноязычных коммуникантов с помощью третьей стороны - посредника. Перевод как вторичная речевая деятельность, являясь одним из видов посредничества, признаётся особым и самым совершенным из них (Л.К. Латышев, А.Л. Семёнов). Переводчик стремится соотнести языковые коды, специфику мировидения коммуникантов, испытывая при этом влияние того, кого он переводит, и ориентируясь на потребности того, для кого он это делает. Цели, мотивы, информационные, семиотические и эмоциональные процессы, сопровождающие деятельность переводчика, не могут не оказать воздействия на динамические преобразования его сознания и языковой способности.

Актуальность проведённого исследования определяется тем, что оно обращено к главному вопросу многих гуманитарно-естественных наук - *взаимоотношению языка и сознания, мышления и речи*. Представления об этих отношениях всегда носили дискуссионный характер, и их исход определялся приоритетными для того или иного времени философско-гносеологическими парадигмами, в том числе и принимаемой научным сообществом точкой зрения на язык. Антропоцентризм современного языкознания обозначил новый подход к языку как средству доступа к ментальным процессам, что предопределяет стремление исследователей обнаружить верифицируемые корреляции между оперативными единицами сознания и объективирующими их языковыми знаками. Это требует дальнейшей разработки подходов к переводу не только как к методу изучения языковых явлений, благодаря которому отчётливее высвечиваются их латентные свойства, но и как к одному из проявлений общечеловеческой способности к словесному выражению, что и осуществляется в данной работе. Перевод здесь трактуется прежде всего как явление человеческого языка, «а не человеческого разноязычия» (В.В. Биbihин). Система смыслов, представленная в текстах на исходном и переводящем языках, для переводчика, интерпретирующего субъекта, является отражением основных способов познания коммуникантами окружающей действительности, что позволяет квалифицировать перевод как речемыслительный процесс. Следовательно, любые пути анализа этого процесса дают дополнительную информацию *о сущностных особенностях речевой деятельности в целом*. При этом все переводческие операции со

смыслом получают обязательную материальную фиксацию в тексте перевода, в своеобразном «метатексте» осуществлённого понимания (С.Л. Пшеницын). Таким образом, перевод становится *естественным способом получения объективных данных о работе человеческого мышления*.

Антропоцентрическая доминанта общелингвистических направлений совпадает с переводческими приоритетами. Однако среди последних *недостаточно изученными* остаются аспекты речемыслительной деятельности переводчика как индивида, занимающего центральную позицию в вербальном *посредническом* процессе. Отсутствуют объяснительные основания, помогающие приблизиться к осознанию того, как язык отражает человеческий опыт, представленный в различных этнических сознаниях. В частности, нет объяснительной модели соотношения значения и смысла, не определено само понятие «вербальная посредническая деятельность». Требуют дальнейшей разработки семиотические аспекты перевода, обусловленные развитостью языковой личности переводящего, особенностями его языковой способности, предопределяющими его креативные способности порождать интегративные когнитивные структуры в сознании владеющих исходным и переводящим языками.

Представители лингвистических теорий перевода сознательно не обращались к вопросам речевого мышления на том основании, что такая деятельность не подлежит непосредственному наблюдению. В работах психолингвистического направления речемыслительные процессы получили широкое освещение, однако посреднический аспект представлен в них пока фрагментарно. Он лишь опосредованно включается, например, в вопросы комплексного моделирования переводческой деятельности (Н.Л. Галеева, И.А. Герман, В.А. Пищальникова; А.Н. Крюков, А.А. Леонтьев, Р.К. Миньяр-Белоручев, Г.В. Чернов, А.Ф. Ширяев и др.). Этот аспект косвенно входит в сферу интересов психолингвистов, изучающих психотипические характеристики переводчика, соотнесение его деятельности с гетерогенными фрагментами опыта - этноментального или семиотического (В.П. Белянин, И.Э. Ключанов, Ю.А. Сорокин, Т.А. Фесенко и др.). Он затрагивается в исследованиях этнокультурной специфики языкового сознания (М. Митamura, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева и др.). Интерес к субъективным характеристикам участников переводческого процесса стал конструктивным моментом в ряде когнитивно ориентированных исследований лингвистического и лингводидактического направлений (Г.Д. Воскобойник, Т.А. Фесенко, В.И. Хайруллин; И.И. Халеева, R. Bell, P. Kussmaul, M. Snell-Hornby и др.). С недавних пор в фокусе интересов отечественных учёных - исследования когнитивной сферы переводческой психики (вопросы языковой способности и коммуникативной компетенции, переводческих стратегий и операций) (В.В. Гусев; А.А. Залевская, И.Л. Медведева; А.М. Каплуненко; В.А. Пищальникова; Н.И. Подольская; В.Н. Шевчук и др.). Таким образом, речемыслительная деятельность переводчика всё чаще привлекает внимание лингвистов, расширяется объём и ракурсы её исследования, однако собственно

посредническая составляющая вербальной деятельности переводчика всё ещё не получила широкого и комплексного рассмотрения.

Актуальность диссертации определяется и тем, что заявленная в ней проблема языкового посредничества и предлагаемые подходы к её решению, выводят исследование на междисциплинарный уровень. Обращение к интегративной парадигме в сочетании с деятельностным подходом обусловлены современным пониманием межкультурной коммуникации. Она предстаёт специфическим видом речевой деятельности, в которой интерпретирующий субъект занимает центральное положение и активизирует коммуникативно-когнитивную деятельность её участников, пользующихся разными языковыми и культурными кодами. В переводе как творческом деятельностном процессе переводчик никогда не замыкается только на данных языка. Смысл, становящийся катализатором для генерируемого доминантного смысла, может попасть в концептуальную систему переводчика благодаря разностороннему чувственному, вещному или телесному опыту, благодаря работе памяти и воображения, фантазии и образам обыденного сознания. В этой связи психологи, когнитологи и психолингвисты говорят о новых сторонах языка, выявившихся благодаря когнитивным наукам, и приходят к заключению, что конвенциональная система языка не обладает «достаточной ёмкостью», что язык - это лишь одна из сторон психики субъекта, а языковая способность должна рассматриваться в одном ряду с другими когнитивными способностями человека (Л.М. Веккер, В.З. Демьянков, А.А. Залевская, Е.С. Кубрякова, В.А. Пищальникова, W. Chafe, G. Lakoff).

Объектом исследования в диссертации является переводческая деятельность, сопряжённая с передачей культурноспецифической информации, что требует от переводчика переключения из операционального режима в деятельностный.

Предмет исследования - процесс переводческого посредничества, направленный на понимание и представление смысла переводимого текста.

Цель диссертационного исследования - разработать интегративную концепцию вербальной посреднической деятельности переводчика, отражающую характер взаимоотношения *язык :: сознание* (когнитивно-семиотический аспект) и *мышление :: речь* (речемыслительный аспект) в процессе межкультурной коммуникации.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи:

- 1) определить объём содержания, соотносимого с понятием «культурноспецифическое» в различных моделях перевода;
- 2) провести сопоставительный анализ динамики подходов к переводу культурноспецифического и эволюции взглядов на роль переводчика в этом процессе;
- 3) выявить и описать когнитивно-семиотические принципы, детерминирующие характер взаимоотношения концептуальных систем участников переводческого процесса (адресанта - переводчика - адресата);

- 4) определить специфику типологической характеристики знаков, вовлечённых в передачу культурноспецифической информации;
- 5) обосновать правомерность наделения переводчика функцией наблюдателя в смысловом пространстве межъязыкового перевода;
- 6) выявить некоторые специфические характеристики профессионального языкового сознания билингва;
- 7) разработать и представить доказательную базу, позволяющую трактовать языковую личность переводчика как «функциональный орган», оптимизирующий переводческую деятельность;
- 8) представить и обосновать модель «когнитивного круга» переводческой личности;
- 9) провести экспериментально-аналитическое исследование, верифицирующее выдвинутые теоретические положения.

Методологической основой диссертационного исследования послужили идеи антропологической философии, в частности, положение Ортеги-и-Гассета о том, что мир - не просто объект познавательной деятельности, а составная часть особого способа бытия - бытия *человека*. Данное утверждение логично сочетается с ракурсом изучения языка, речи, речевой деятельности как *достояния индивида*, который предлагается отечественной психолингвистикой.

Теоретической базой работы являются положения отечественных и зарубежных исследователей в области перевода, семиотики, семантической структуры слова, теории речевой деятельности, когнитивной лингвистики, межкультурной коммуникации.

Перевод рассматривается как речемыслительный познавательный процесс, осуществляемый и координируемый индивидом (А.Н. Крюков, А.А. Леонтьев, Р.К. Миньяр-Белоручев, А.Ф. Ширяев и др.). Посредническая деятельность переводчика базируется на концептуальном анализе переводимого и направлена на реконструирование доминантного смысла. В современной когнитивной семантике, семиотике и психолингвистике доминантный смысл понимается как интегративный, включающий *различные* данные, связанные с памятью, эмоциями, ассоциациями, с разнообразным и разноплановым опытом, вербальным и невербальным (А.А. Залевская, А.Н. Крюков, Е.С. Кубрякова, В.А. Пищальникова, А.М. Шахнарович, W. Chafe, U. Eco G. Lakoff и др.). Реальный процесс межкультурного общения, в котором принимает участие переводчик, может происходить только в форме общения сознаний, которые формируются у индивида в определённой культуре/среде. Последняя, предопределяя пути, которыми осуществляется процесс познания, обеспечивает познающего необходимыми для этого элементами опыта, приобретаемого в результате локально и темпорально востребованных видов и способов деятельности (Л.С. Выготский, И.Э. Клюканов, Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина; Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, M. Bennett, M.L. Larsen 1984; V. Malinowski, K. Nelson и др.). Кроме этого, теоретическую базу работы составили лингвистические, психологические и психофизиологические концепции, сформулированные в разное время А.А. Потебнёй, Л.С. Выготским,

А.А. Ухтомским, П.К. Анохиным, А.Н. Леонтьевым, А.А. Леонтьевым. Теории представленных учёных объединяет тезис о том, что мышление индивида осуществляется по принципу функциональной системы, в которой ведущие и производные мотивы в процессе деятельности могут изменяться.

Методы исследования избирались в зависимости от поставленных задач. В работе широко используется метод *семантической интерпретации* лингвистических фактов. Эта интерпретация основывается на элементах *компонентного анализа* в его дефиниционной разновидности и *контекстуального анализа*. Применяются методы *сравнительно-сопоставительного* и *сопоставительно-переводческого* анализа материала, *концептуальный* и *когнитивный* анализ ментальной деятельности представителей разных лингвокультурных сообществ. Одним из способов изучения специфики этнического сознания служит *свободный ассоциативный эксперимент*, сопровождаемый элементами *статистического анализа* при обработке полученных данных. Метод *моделирования* используется для структурной характеристики системы переводческой личности. В работе также учитываются данные *интроспективных* наблюдений.

Материалом исследования послужили примеры из британской, американской и русской литературы (поэзия, проза, научная и публицистическая литература) и их параллельные переводы, выполненные профессиональными и/или начинающими переводчиками (около 3500 контекстов), картотека переводов текстов и текстовых фрагментов, сделанных начинающими переводчиками (2700 единиц), материалы словарей и результаты ассоциативных экспериментов.

Научная новизна работы заключается в проведении *комплексного* исследования по изучению вербальной посреднической деятельности переводчика, включающего изучение характера взаимоотношения *языка и сознания*, т. е. языковых единиц и стабильных, декретированных языком, ставших фактом сознания структур знаний, а также *речевой деятельности и мышления*, т.е. осмысленного и целенаправленного процесса переработки, изменения и дополнения знаний в концептуальной системе переводчика. В работе вербальный *посреднический* аспект деятельности переводчика в межкультурной коммуникации рассмотрен в качестве самостоятельного *предмета* исследования. Данные психолингвистики, семиотики, когнитивной лингвистики и межкультурной коммуникации *интегрированы* с целью исследования вербальной посреднической переводческой деятельности. Это дало возможность: 1) выявить взаимообусловленность, синергичность информационных потенциалов интерпретатора и знака, концептуальной системы переводчика и типа знака, включённого в межъязыковой коммуникативный процесс; 2) обосновать целесообразность адаптации для посреднической деятельности переводчика понятия «языковое сознание»; 3) предложить подход к переводческой личности как особому «функциональному органу» - модели, в которой трёхкомпонентный механизм вербализации ментального содержания предстаёт главным структурообразующим фактором

перевода. В диссертации систематизированы взгляды на то, как в различных моделях перевода представлена природа культурноспецифического и какова роль переводчика в передаче этого феномена.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что в ней получил теоретико-экспериментальное освещение ещё один аспект переводческой деятельности - посреднический. Его изучение вносит новые данные в общую разработку положений теории речевой деятельности, в её характеристику как принципиально нестабильного образования, организованного по принципу функциональной системы.

Результаты работы имеют значимость для общей теории языка, в частности, для расширения трактовки принципа иконичности, в котором своеобразно преломляются отношения между языком, мышлением и культурой. Проведённое исследование представляет интерес для теории межкультурной коммуникации и когнитивного переводоведения, так как оно выявляет стратегии и механизмы создания интегративных когнитивных структур в сознании представителей разных лингвокультурных сообществ.

Практическая ценность работы состоит в том, что предложенные в ней составляющие медиативной деятельности - ориентация переводчика в пространстве смысла в межкультурной коммуникации, модель перехода от значения к смыслу - имеют прикладной характер и могут служить основой для моделирования процесса перехода от текста на исходном языке (ИЯ) к тексту на переводящем языке (*ЛЯ*) в письменном переводе. Теоретические положения, выдвинутые в диссертации, могут найти применение в лекционных курсах по теории языка, переводу, психолингвистике, межкультурной коммуникации, а также использоваться студентами при написании научно-исследовательских работ. Способы и приёмы изучения фактического материала, представленные в работе, иллюстрируют возможные пути и направления переводческого анализа речевых произведений, содержащих культурноспецифическую информацию.

На защиту **выносятся** следующие основные положения:

1. Перевод как посреднический речемыслительный процесс базируется на формировании интегративных когнитивных структур и моделей, координирующих этнические сознания участников межкультурной коммуникации. Актуализация ментального содержания, подлежащего переводу, обеспечивается языковыми функциональными структурами, выводящими на соответствующие познавательные структуры коммуникантов.

2. В переводе, являющемся формой бытования семиотического опыта, осуществляется синергетическое взаимодействие информационных потенциалов посредника и знака, концептуальной системы переводчика и типа знака, включённого в межъязыковой коммуникативный процесс.

3. Особенностью знаков, задействованных в процессе перевода как форме межкультурной коммуникации, является их *константная* синкретичность

- сопряжённость символического, иконического и индексального аспектов. Соотношение типологических характеристик в знаках обусловлено их культурной маркированностью в лингвокультурном сообществе и позволяет им

оптимально осуществлять коммуникацию и познание в рамках определённой культуры.

4. Переводчик, выполняя функцию наблюдателя, выходит из семантического пространства одного языка в многомерный и разнонаправленный коммуникативный универсум двух языков. Степень маркированности знаков, их равновесие в коммуникативном универсуме, смещение этого равновесия, его степень и последующее возвращение в равновесное состояние могут быть выявлены и скорректированы только с позиции наблюдателя.

5. Наиболее эффективным инструментом анализа деятельности переводчика в процессе посредничества является обращение к феномену «языковое сознание». Это позволяет расширить информационное пространство при анализе воспринимаемых и продуцируемых переводчиком текстов, соотнести коррелируемые ментальные пространства участников коммуникации с разными этническими сознаниями путём формирования в них интегративных когнитивных структур, исследовать специфику сознания переводчика-билингва.

6. В языковом сознании переводчика-билингва преобладает или находится в состоянии динамического становления конструктивный тип синкретизма, детерминированный профессиональной деятельностью индивида и оптимизирующий её.

7. Ментальные процессы, происходящие в переводе, предопределены конструктивной деятельностью языковой личности переводчика. Иерархизация мотивов личности способствует самоорганизации последней для создания оптимизирующих стратегий по операциям с информацией, по увеличению ёмкости ментального лексикона, по совершенствованию языковой способности. Таким образом, переводческая личность может быть представлена как особый функциональный орган.

8. Работа такого функционального органа, в свою очередь, обеспечивается механизмом вербализации ментального содержания, представленного моделью «когнитивного круга», объединяющего три взаимодействующих компонента: ментальный лексикон, когнитивную компетенцию и языковую способность переводчика.

Апробация работы. Основные положения диссертации отражены в 35 публикациях, в том числе в авторской монографии (15 п. л.), в одной главе коллективной монографии, а также в статьях и тезисах конференций различных уровней. Общий объём опубликованного материала - 29,25 п.л.

Результаты работы обсуждались на заседаниях семинара по психолингвистическим проблемам языка в Алтайском государственном университете, на кафедре общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета. Некоторые аспекты исследования легли в основу спецкурса «Культурологические лакуны и способы их элиминирования в процессе перевода», предлагаемого студентам 4-го курса Лингвистического института Барнаульского государственного педагогического университета.

Положения, вынесенные на защиту, докладывались на научных и научно-практических конференциях разных уровней: международных (Барнаул 1994, 1996, 1998, 2001, 2003, 2005; Махачкала - Пятигорск 2000; Москва 2002, 2003; Новосибирск 1999; Тамбов 2002), всероссийских (Барнаул 2000, 2004; Иркутск 1998; Новосибирск 1999), региональных (Барнаул 1996; Иркутск 2000; Махачкала 2002; Уфа 1999), межвузовских (Барнаул 1995, 2000).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, библиографического списка цитируемых источников, включающего 386 работ, списка справочных изданий и списка иллюстративного материала.

Содержание диссертации

Первая глава - «Динамика подходов к переводу культурноспецифического. Эволюция взглядов на роль переводчика в этом процессе» - посвящена анализу последовательно меняющихся точек зрения на сущность и локализацию *культурноспецифической информации*, а также *и роль переводчика* в её обработке и передаче.

Обращение в диссертации к культурноспецифической (нестереотипной, не соотносящейся с содержанием этнического языкового сознания реципиента) информации, актуализируемой словом или словосочетанием, обусловлено существующим мнением о том, что следы интеллектуальной деятельности с наибольшей отчётливостью проступают там, где возникают сложные ситуации. Представители различных интерактивных теорий, разделяющие указанную точку зрения, находят объяснительные основания для её существования в теории функциональных систем. Формирование таких систем обусловлено способностью живых организмов реагировать на изменения в окружающем мире посредством приспособительных реакций.

Функциональность выступает онтологической характеристикой речевой деятельности. Столкновение с незнакомым и неясным, например, с культурно обусловленным значением воспринимаемого сообщения в ситуации межкультурной коммуникации, приводит индивида, стремящегося, подобно всем живым системам, к состоянию гомеостатичности, в неустойчивое состояние. Одновременно с этим активизируется приспособительная деятельность, которая распространяется на особенности мышления индивида, на его способность обобщать, анализировать, прогнозировать, планировать и т. д. (ср. принципы, заложенные в теории функциональных систем П.К. Анохина, в синергетической (Г. Хакен) и лингвосинергетической теориях (И.А. Герман, В.А. Пищальникова), в теории когнитивного диссонанса (L. Festinger) и в экстраполяции этой теории на переводческий дискурс (Г.Д. Воскобойник, А.М. Каплуненко), в теории культурной трансформации (Y. Kim, В. Ruben)).

Указанные свойства синергетических систем позволили предположить, что речемыслительные процессы переводчика наиболее полно могут обозначиться и раскрыться при принятии решений, связанных с переводом

культуроспецифической информации. В четырёх параграфах первой главы диссертации критически анализируются сменяющие друг друга точки зрения на то, что считать культуроспецифическим, какова роль субъекта в переводе этого феномена. Рассматриваются подходы к двум указанным проблемам, сложившиеся в долингвистический период становления науки о переводе, принятые в лингвистических, психолингвистических (деятельностных, интерпретативных) моделях перевода, а также в когнитивно ориентированных переводческих практиках.

Анализ теоретического материала (В. фон Гумбольдт, Фр. Шлейермахер, а также Л.Г. Зубкова, С.Д. Кацнельсон, Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни, А.В. Фёдоров и др.) свидетельствует о том, что решение проблемы культуроспецифического в переводе во многом зависит от того, как в определённый промежуток времени трактуется кардинальный вопрос языкознания - соотношение речи и мышления, языка и речи-мысли, а с ним и первостепенный для перевода вопрос о соотношении универсального и идиоэтнического.

Внимание к культурологическим проблемам языка проявлялось уже в античных теориях, например, в спорах о мотивированности языковых знаков. В них видны попытки философов прошлого осознать специфичность языкового отражения действительности, доказать идиоэтнический характер означающих, их связь и обусловленность чувственными и умственными представлениями народа, его фантазиями и предпочтениями. Однако одновременно с этим возникает, а в Средние века укрепляется тенденция, *во-первых*, к игнорированию идиоэтнического на том основании, что всё высказанное на одном языке может быть высказано на другом, а, *во-вторых*, к отсутствию интереса к переводящему. Проявляется отчетливая ориентация процесса перевода на текст.

Универсализм теряет своё исключительное положение в эпоху Возрождения, когда переводчики высказывают сомнения в правомерности представления о различных языках как о тождественных способах выражения одних и тех же мыслей. Однако двумя веками позже сторонники логического направления вновь возвращаются к универсальной точке зрения и объявляют все языки проявлением одной сущности. При таком подходе перевод представлялся простым «переодеванием мысли», существо которой оставалось неизменным (С.Д. Кацнельсон). Приверженцы сформировавшегося в это же время психологического направления также не отрицали связи между языком и мышлением, но полагали, что межъязыковой перевод невозможен, так как каждый язык обладает своим неповторимым духом.

В современном языкознании эволюция подходов к переводу последовательно совпадает со сменой парадигм, демонстрируя изменения в своём объекте от лингвостатического (текст), где намеренно декларируется стремление избежать любого проявления субъективности (Л.С. Бархударов), до психодинамического (процесс перевода) и позже - до вполне логического их взаимодействия. В связи с этим формируются новые взгляды на задачи и роль переводчика, возрастает интерес к его деятельности, трактовка которой

постепенно трансформируется. Проблемы перемещения текста с языка оригинала на переводящий язык уступают место попыткам опознать ментальные процессы, с помощью которых происходит вербализация представленной информации (А.Н. Крюков, Ю.А. Сорокин, В.И. Хайруллин, Т.А. Фесенко, А.Ф. Ширяев, R. Bell; P. Kussmaul и др.).

Проблема культурноспецифического в рамках лингвистических моделей перевода локализуется в языке как системно-структурном образовании, связывается с переводом *реалий* или смещается в область *фоновых знаний*, неизменно сопровождаемая полемикой вокруг лингвистичности последних. Культурологические аспекты перевода оказываются подчинёнными языковым и решаются в рамках языковых соответствий, реализуемых наиболее эффективными способами, выделенными на основе уже осуществлённых переводов.

Однако многочисленные исследования реалий не решают проблемы культурноспецифического. Корпус единиц, относящийся к этому классу, демонстрирует крайне расплывчатый характер, отсутствие чётких границ в предметном определении и терминологии (С. Влахов, С. Флорин, Г.Д. Томахин). Это особенно касается коннотативных и ситуативных реалий, в состав которых входят поведенческие, параязыковые, кинетические и проксемические единицы, представляющие собой норму и рассматриваемые как естественные в рамках одной культуры, но часто неопознаваемые в рамках другой (Г.Д. Томахин).

Так, например, неопознанная переводчиком реалия вступает в противоречие со смысловой структурой подлинника в следующем отрывке из романа Дж. Гришема «Камера» (*John Grisham «The Chamber»*):

The door opened quickly and Retired Colonel George Nugent marched into the room, pausing only slightly to close the door, and moved officially toward Lucus Mann, who did not stand but shook hands anyway. «Mr. Mann». Nugent greeted him crisply, then stepped forward and shook hands across the desk with Naifeh (J. Grisham).

Дверь резко распахнулась, и отставной полковник Джордж Ньюджент чуть ли не строевым шагом вошёл в комнату, задержавшись на мгновение, чтобы закрыть дверь, и подошёл к Лукасу Манну. Тот не вставая протянул руку и представился:

- Мистер Манн.

Ньюджент энергично пожал руку Лукасу, затем сделал ещё шаг и пожал через стол руку Нейфи. (Пер. Бехтина, Ковалёва, Волошина).

В английском варианте реплика «Mr. Mann» оставлена без ссылки на авторство, однако описываемая ситуация и информация о правилах общения в конкретном лингвокультурном сообществе, однозначно приписывают её полковнику Ньюдженту, и вся сцена представляет собой рутинное описание приветствия, когда, пожимая руку, вошедший называет имя того, с кем

здоровается. Так как в русском официальном этикете приветствия такая традиция отсутствует, переводчик ошибочно вкладывает реплику в уста Лукаса Манна, конкретизирует ситуацию, вводя в неё глагол «представился», дополняет её графическими средствами цитации, и в результате обычная ситуация приветствия превращается в сцену знакомства, искажая содержание повествования.

Сторонники психолингвистических (деятельностных, интерпретативных) моделей перевода объясняют подобные коммуникативные неудачи несовпадением национально-специфических «образов мира» автора и переводчика, а в качестве «инструмента регистрации» такого несовпадения избирают понятие «лакуна», определяя её как сигнал не только специфических реалий, но и специфических процессов и состояний, противоречащих узуальному опыту носителя того или иного языка (культуры) (Г.В. Быкова, СВ. Власенко, В.И. Жельвис, Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина).

Для осознания сущности культурноспецифической информации принципиальное значение имеют идеи когнитивной лингвистики, поскольку в распоряжении этой науки находится необходимый методологический и концептуальный аппарат. Большинство исследователей когнитивного направления солидарны в том, что переводческая деятельность выступает реализацией взаимодействия когнитивных и языковых структур, что переводу подлежат нетождественные когнитивные структуры, стоящие за словом в разных языках, а межкультурное общение целесообразно рассматривать как переход от одной специализированной когнитивной структуры к другой (Е.Ф. Тарасов, Т.А. Фесенко, В.И. Хайруллин, В.Я. Шабес).

Когнитивная структура определена в работе как структура знания, репрезентирующая различные соотношения содержания ментальных компонентов в сознании человека с помощью вербальных средств, которые являются частью когнитивной структуры и средством доступа к ней. Обращение к феномену когнитивных структур позволяет с наибольшей определённой реконструировать проявление культурной специфики сознания отдельных этносов и, исходя из этого, избрать направления, а также сделать выбор в пользу наиболее рациональных переводческих стратегий. Когнитивная структура может предстать в различных форматах знаний: схемах, образах, фреймах, сценариях, концептах и т.д.

Для изучения единиц ментального уровня в диссертации используется термин «концепт». В соответствии с традициями, сложившимися в психолингвистических исследованиях, в работе разграничивается *концепт* как **психическое явление** и *концепт* как **модель концепта - конструкт** (В.А. Пищальникова, Е.В. Лукашевич). Концепт как динамическая когнитивная модель отображает структуру смысла - ментального содержания, соотносимого с определённой реалией. В структуре концепта представлены следующие компоненты, организованные по функциональному признаку: тело знака, понятие, представление, предметное содержание, ассоциация, эмоция и оценка.

Модель концепта служит опорой для построения переводчиком программы, в которой сознательное прогнозирование и координация рефлексивных процессов будут осуществляться с учётом составляющих и внутренней организации коррелирующих концептов у представителей разных лингвокультурных сообществ. Являясь принадлежностью концептуальной системы, сформированной в определённом культурно-историческом, географическом и социальном пространстве, концепт не может не обладать культурной спецификой. Степень представленности последней в концепте градуальна, подвержена изменению, она может быть латентной, но неизменно проявляется в межкультурном общении, при переводе, где не всегда присутствует «общность языковых сознаний» коммуникантов, принадлежащих к разным лингвокультурным сообществам.

В работе акцентируется, что культурноспецифическое может присутствовать практически в любой из уже выделенных составляющих концепта, причём независимо от того, определяется ли концепт как понятие «психолингвистическое», «когнитивное» или «лингвокультурологическое», что только подтверждает условность подобного деления, которое, если и существует, то исключительно в исследовательских целях.

Культурная специфика концепта - величина непостоянная. В своих исследованиях лингвист имеет дело с концептами, значение которых в разной степени универсально или культурно зависимо. Это связано с тем, что культурноспецифическое возникает на основе разных компонентов модели концепта, оно проявляется в разном уровне владения смыслом концептов (в терминах А.Вежицкой, концептом-максимумом / концептом-минимумом) у разных носителей одного языка, и ещё больше различается у носителей разных языков и культур, и, наконец, степень культурной специфики концепта по-разному осознаётся в зависимости от мотивировки, обусловленной характером деятельности владеющего языком. В работе специально отмечается, что культурноспецифическое может присутствовать в любом концепте, но присутствие культурноспецифического автоматически не относит подобный концепт в разряд культурных. В проведённом исследовании уделялось внимание «обычным» концептам и их «необычным превращениям», когда в процессе перевода открывалось часто описываемое А. Вежицкой несходное в сходном, культурно специфическое в том, что ранее представлялось универсальным.

Переводческий процесс осуществляется в двух разнородных, но взаимодействующих и взаимонастроенных системах - человека и языка. Результаты посреднической деятельности во многом зависят от имманентных свойств каждой из них. Вторая глава - **«Взаимобусловленность типологии языковых знаков и языкового сознания коммуникантов в вербальной посреднической деятельности переводчика»** - имеет своей целью обосновать выдвигаемый в работе тезис о том, что *языковые знаки*, семиотические посредники между сознанием и культурой, и *языковое сознание индивидов*, пользующихся этими знаками в профессиональных посреднических

целях, претерпевают определённые изменения, участвуя в эвристическом по своему характеру переводческом процессе. Этот процесс предопределяет взаимообусловленность, синергичность языкового сознания участников межкультурной коммуникации и типов знаков, участвующих в нём.

Глава начинается с определения понятия «культура». Уточняется, что в переводе культура предстаёт сложным переплетением семиотического (знакового) и деятельностного, сопряжённого с опытом. Культура/среда, предопределяя пути, по которым осуществляется процесс познания, обеспечивает познающего необходимыми для этого элементами опыта, приобретаемого в результате локально и темпорально востребованных видов и способов деятельности.

Посредническая переводческая деятельность осуществляется с помощью знаков (в понимании Ч. Пирса) и репрезентируемых ими моделей в широком контексте культуры, в которую погружён человек. Обращение к семиотическому аспекту в переводческом ракурсе позволило переосмыслить соотношение типологических свойств знаков и их культурной маркированности в лингвокультурном сообществе. Известное утверждение о том, что в знаке *могут* присутствовать черты всех трёх типов - символического, иконического и индексального - получило в работе конкретное уточнение. В знаках, передающих культурноспецифическую информацию, этот конгломерат носит *постоянный, эксплицитный характер*. На фоне константно присутствующей символичности *иконичность* таких знаков проявляется в *диаграмматическом варианте*, количественно отражая соотношение между языковой и ментальной структурами в текстах на исходном и переводящем языках. Знак, репрезентируя образ объекта в сознании субъекта, отражает сходство не столько с объектом, сколько с перцептивной моделью, вызываемой им в психике субъекта (см., например, У.Эко).

Описанное наблюдение соотносится с современными идеями теории иконичности, в которых семиотические теории пересекаются с когнитивными. Иконичность определяется когнитивистами как соответствие структуры языка концептуальной структуре действительности, которая сформировалась в сознании человека на основе данного опыта. Сложились три наиболее часто / описываемых принципа иконичности (в её диаграмматическом варианте) (И.М.Кобозева, Г.Г. Молчанова, J. Haiman, F. Ungerer, Y-J Schmid):

- *принцип последовательности*, или «порядка упоминания»;
- *принцип дистанции*, согласно которому формальное расстояние между единицами соответствует концептуальному расстоянию между ними;
принцип количества, основанный на соотношении количества информации с количеством обозначаемого (more form - more meaning, less form - less meaning).

Принцип количества своеобразно преломляется в знаках, маркирующих культурноспецифическое.

Наиболее эксплицитно это проявляется в лексикографической практике.

Наглядным примером здесь могут служить способы, принятые при переводе

таких знаков в англо-русском лингвострановедческом словаре «Американа».

Например,

1) *billing* - биллинг // Расстановка имён актёров на всей печатной продукции, относящейся к спектаклю;

2) *redeye* - красный глаз // Ночной авиарейс, билеты на который стоят дешевле;

3) *saloon* - ист, салун. // Питейное заведение в маленьких городах на Западе в период освоения Фронттира;

4) *valet* - «паж» // Служащий гостиницы, в обязанности которого входит отгон автомобиля постояльца на стоянку или его подача к подъезду.

Во всех приведённых примерах семантизация осуществляется однотипным образом: сначала даётся краткий вариант перевода, появившийся как результат аллитерации, транскрибирования (примеры 1, 3), калькирования (пример 2), переводческого аналога (пример 4), но он не обладает функциональной значимостью, так как у реципиента не сформированы структуры знания, с которыми коррелируют языковые единицы переводящего языка. *Перевод - слово* является средством доступа к пустым или крайне расплывчатым референтам для русскоязычного пользователя словаря. Это «недопереведённые», «недотрансформированные» (А.Д. Швейцер), «недоинформативные» знаки, хотя и достаточно частотные в современном дискурсе, например, русском: *эзерцис, инкумбент, колумнист, гламурные топ-модели, франшизные магазины* или английском: *babushka, dacha, remont, pirozhki*, но не вписывающиеся в вербально-ассоциативную сеть переводящего языка и, в результате, не приобретающие свойств «живого» слова.

Именно поэтому в словаре «Американа» первый этап семантизации дополняется вторым, увеличивая «количество» формы. С помощью описательного перевода, представленного *развёрнутой синтаксической конструкцией*, помещённой в словаре после двух косых черт, делается попытка соотнести, модифицировать имеющуюся в сознании читателя когнитивную структуру с новой, средством доступа к которой и может стать тело подлежащего переводу знака.

Количественная асимметрия компонентов, вербализующих одну и ту же информацию на исходном (ИЯ) и переводящем (ПЯ) языках, проявляется и в речевых произведениях. Так, Т. Сэйвори отмечает, что различия в образе мира обусловили отсутствие в испанском языке лексемы, соответствующей английскому слову *jungle* - *джунгли*. Это привело к тому, что названию известного произведения Р. Киплинга «*Jungle Book*» суждено было увеличиться в три раза при переводе на испанский: «*El Libro de las Tierras Virgines*». Аналогичное явление наблюдаем и практике перевода с русского на английский. Из-за референциальной неопределённости топонима *Дон* в сознании английского читателя, из-за желания привнести оттенок эпичности переводчику Ст. Гарри также пришлось изменить структуру заглавия романа М. Шолохова «Тихий Дон», введя в него несколько дополнительных элементов, и книга на английском языке появилась под названием «*And Quiet Flows the Don*».

Приведённые примеры создания познавательной структуры, связанные со структурной декомпрессией языкового знака, попадают под рубрику явлений, которые определяются в переводе как адаптация - приспособление текста на ИЯ к тому, чтобы он был понят читателем на ПЯ (Г.Т. Хухуни). Описанные факты относятся к так называемой *внутренней адаптации*, происходящей непосредственно в тексте и ведущей к преобразованию структуры предложения, главным образом, к её расширению за счёт введения дополнительного разъяснения, конкретизирующих слов и т.д.

Перевод, являясь формой межкультурного взаимодействия, происходит в диапазоне между (почти) стопроцентной лакунизованностью («безэквивалентные знаки») и (почти) стопроцентной делакунизованностью (И.Э. Клюканов). Естественно предположить, что чем лакунизованнее, маркированнее знак в культурном универсуме переводящего языка, тем больше поясняющей информации потребуются при его переводе, тем многокомпонентнее будет структурное оформление варианта на переводящем языке. Это в полной мере проявляется при переходе *от внутренней адаптации к внешней*, когда делакунизация предполагает введение дополнительного материала в форме примечания, комментария, так как функциональный аналог или описательный перевод, с одной стороны, могут привести к нежелательной многословности и перегрузить текст, а с другой, всё-таки не представить достаточно информации для формирования адекватной когнитивной структуры в сознании инофона, что обусловлено отсутствием исторических, географических, этнографических фактов в его когнитивной системе или знаний, связанных с событиями, обычаями, относящимися к иной эпохе.

В процессе перевода актуализируются иконические потенции знака, передающего культурную информацию. Наиболее наглядно они реализуются в принципе количества - «больше формы - больше знания/значения». Однако данный принцип может действовать и не столь прямолинейно, поскольку знак асимметричен, за ним стоит вся культура как система, обуславливающая его поведение, употребление и восприятие. Внешне количество формы ИЯ и ПЯ может остаться без изменения. Но если рассматривать форму не как материал, а как способ, «посредством которого народ выражает в языке мысли и чувства», как совокупность «чувственных впечатлений и произвольных движений духа», предшествующих образованию понятия, которое совершается с помощью языка (В. фон Гумбольдт), то неизбежен возврат к хорошо осознанному факту. Значения слов разных языков не совпадают, что они отражают и передают образ жизни и образ мышления, характерный для некоторого данного общества, и что они представляют собою бесценные ключи к пониманию культуры (Anna Wierzbicka). Это означает, что для адекватного перевода культурноспецифического необходима не просто модификация формы за счёт расширения её компонентного состава, а экспликация её содержания, соотнесение её с культурным пространством, в котором функционирует языковой знак. Чтобы быть правильно интерпретированным, значение знака должно быть соотнесено с «кодами»

культуры, известными говорящему, что предполагает присутствие индексальных характеристик, присущих описываемым знакам.

В работе подробно анализируются индексальные свойства знаков. Специфический способ передачи информации индексальными знаками обусловлен прежде всего своеобразием отношений между ними и объектами, которые они замещают. *Индекс* находится под влиянием объекта, к которому он отсылает и который денотирует, так как он имеет с ним общее качество. Одновременно он выступает указательным, сигнальным знаком для субъекта, привлекая его внимание к наличным объектам путём «слепого принуждения». В знаке, связанном с передачей культурноспецифических знаний, где сочетаются элементы символического и иконического, элементы индексального характера (indexical) являются обязательными. Динамика семиозиса такого знака приобретает актуализацию, только если внимание интерпретатора будет направлено на среду, на универсум, с которыми знак находится в отношениях смежности, иначе он (знак) останется информационно неопределённым. В связи с этим в работе рассматривается явление переводческой напряжённости (энергии/

Переводческая напряжённость определяется как ментальный процесс, возникающий при переводе культурноспецифической информации. Восприятие такой информации нарушает равновесную среду - концептуальную систему переводчика, адаптированную к иной / родной культуре, и инициирует процесс структуризации (или переструктуриации) компонентов внутри концептов и самих концептов в концептуальной системе, способствуя порождению новых познавательных структур.

Таким образом, индексальность знака обуславливает его зависимость, обязательное соотношение с кодом культуры, в рамках которой он функционирует, выводной характер содержания. Это содержание порождается энергией переводческой напряжённости, формируется в процессе «осознанной», то есть презентуемой актуальному осознанию рефлексии, в ходе которой происходит взаимодействие «опыта» знака, концептуальной системы переводчика и конечного реципиента. В итоге в речевом произведении на переводящем языке воплощается результат встречного смыслопорождения содержания знака.

С этих позиций в главе формулируется суть посреднической деятельности переводчика. Она направлена на формирование *интегративных когнитивных структур*, активизирующих коррелирующие познавательные пространства индивидов с разным этническим сознанием. Под *интегративностью* понимаются признаки, ориентиры, т. е. разнообразные функциональные опоры в речевой деятельности на двух языках, которые с разной степенью операциональности обеспечивают вероятностную актуализацию репрезентируемого ментального содержания в сознании коммуникантов.

Вся знаковая и коммуникативно-дискурсивная деятельность в переводе осуществляется благодаря специфическому, адаптированному к характеру этой деятельности сознанию индивида.

Сравнивая и описывая обработку информации, проводимую переводчиком и обычным реципиентом, специалисты отмечают, что переводчик не только истолковывает содержание и коммуникативную интенцию отправителя, но и смотрит на них глазами носителя другого языка, другой культуры. «Примерка» поступающей информации на конечного реципиента признаётся сторонниками практически всех моделей, однако основания, с помощью которых осуществляется переводческая ориентация, как, собственно, и вся посредническая деятельность в целом, варьируются от модели к модели.

Обращение к понятию «языковое сознание», предложенному отечественной психолингвистикой, оказывается продуктивным для перевода как вида речевой деятельности. Это обусловлено тем, что у переводчика появляется возможность расширить пространство, служащее источником информации при анализе воспринимаемых и продуцируемых речевых произведений. Пересекаясь по своей природе с понятием «знание», а в силу непосредственной ненаблюдаемости, преимущественно представляя в языковых овнешнениях, языковое сознание в полном объёме реализует свой потенциал, интегрируя данные других наук. В.А. Пищальникова, рассуждая об интегративной интерпретирующей модели исследования речевой деятельности, в качестве такой модели предлагает синкретический научный объект «концепт», определяя его идентично языковому сознанию.

Использование предложенных понятий применительно к переводу требует уточнения и обращения к дополнительному ракурсу исследуемой проблематики. В этом виде деятельности содержание концепта, как и языкового сознания, является результатом обработки информации, производимой индивидом со специфическим сознанием: в различных теориях двуязычия за переводчиком закреплён статус *искусственного или профессионального* (А. Мартине) *билингва*. Ранние лингвистические теории двуязычия предрекали билингу низкую языковую компетенцию как первого, так и второго языка. Позже пришло осознание того, что билингв не удвоенный монолингв, а «индивид с особой языковой конфигурацией, складывающейся под влиянием двух сосуществующих и постоянно взаимодействующих языков» (Grosjean 1985, p. 471) и образов мира. У него иное знание родного языка; иное знание второго языка; иной тип языкового сознания; у него по-другому осуществляется когнитивная обработка данных, связанных с имеющейся в распоряжении языковой информацией. Психолингвисты считают, что овладение новыми данными, содержанием концепта у индивида не может происходить иначе как на базе уже имеющегося ассоциативно-апперцепционного содержания мышления. Следовательно, в концептуальной системе билингва должны быть синкретично представлены, хотя и по-разному структурированные, «родные» и «инокультурные» концепты. Отсюда наметившийся поворот к исследованию положения слов обоих языков в *ментальном лексиконе* индивида.

Индивид овладевает словами *первого языка (Я1)*, в контексте культуры, присваивая поступающие знания, складывающиеся в концепты. Затем слово

автоматически индуцирует своим появлением *всю* связанную с ним информацию. Главная особенность *слов второго языка (Я2)* заключается в том, что их усвоение происходит с опорой на известный уровень развития родного языка, на фоне сложившейся системы значений этого языка. Для того чтобы стать частью ментального лексикона, слову *Я2* приходится пройти сложный путь, преодолеть, по крайней мере, два барьера, возникающих из-за того, что: 1) овладение вторым языком в искусственных условиях происходит в ограниченном, количественно и качественно, потоке информации на *Я2*, что затрудняет формирование познавательных структур, доступом к которым могло бы стать слово на *Я2*; 2) овладение *Я2* осуществляется на фоне уже сформировавшейся концептуальной и языковой системы *Я1*. Следовательно, при встрече со словом *Я2* происходит его непреднамеренный перевод на *Я1*, - и далее процесс обработки поступившей информации продолжается с опорой на известный ментальный опыт первого языка.

Возникающие в подобных случаях конфликтные изменения *в языковом сознании* билингва нарушают процесс семиозиса, становятся причиной трудностей и коммуникативных неудач в межкультурном общении, осложняют процесс освоения второго языка и, естественно, перевода. Такие изменения могут быть двоякого рода и соотноситься с двумя типами синкретизма в сфере языкового сознания билингва - *неконструктивным и конструктивным* (Л.А. Козлова). Неконструктивный (неблагоприятный) тип синкретизма является следствием сложившихся в языковом сознании стереотипов и служит препятствием для перехода в картину мира другого языка. Конструктивный (благоприятный) синкретизм расширяет познавательные возможности билингва, обеспечивает возможность перехода из одной картины мира в другую.

Перенося представленную типологию в область перевода, можно предположить, что в языковом сознании переводчика преобладает или находится в состоянии динамического становления *конструктивный тип синкретизма*, детерминированный профессиональной деятельностью индивида и оптимизирующий её. Основания для подобного заявления обусловлены двумя моментами: 1) функциональностью системы речевой деятельности; 2) особенностью репрезентации слов *Я2* в ментальном лексиконе билингва.

1. Функциональность как онтологическая характеристика любой системы предопределяет способность её элементов проявлять и/или образовывать новые свойства в процессе функционирования, направленные на достижение полезного приспособительного результата (П.К. Анохин). Приспособительный результат в системе речевой деятельности может обеспечиваться благодаря тому, что её единицы находятся в отношениях компенсаторной зависимости. У билингва компенсаторная деятельность стимулируется феноменом положительного переноса знаний, давая ему определённые преимущества перед монолингвом в плане *металингвистических, когнитивных и социопсихологических и социокультурных* способностей. В деятельности переводчика-билингва представленные потенциальные качества актуализируются, выходят на первый план при создании *интегативных*

когнитивных структур и моделей, без которых адекватный перевод принципиально невозможен.

2. Конструктивный синкретизм переводчика предопределён местом, которое занимает слово Я2 в его ментальном лексиконе на различных ступенях освоения иностранного языка. Согласно экспериментальным данным Нань Цзяна, *таких ступеней три*, и информация, с которой входит слово в ментальный лексикон билингва, варьируется на каждой из них. В своих работах учёный, вслед за В. Левелтом, считает, что в ментальном лексиконе слово ассоциируется с информацией четырёх типов: семантической и синтаксической, образующих главную лемматическую часть, а также с морфологической и фонологической, образующих его лексемную составляющую.

На начальном этапе освоения языка происходит знакомство со звуковой и/или графической формой слова. Это *первая, т. н. формальная (formal) ступень* репрезентации слова Я2 в ментальном лексиконе билингва, в которой из четырёх возможных типов информации о слове присутствует лишь один -фонологический, лемматическая структура на первой ступени остаётся пустой. Данная ступень не характерна для переводчика, т.к. представленный тип организации информации во внутреннем лексиконе не позволяет принимать эффективные решения, ожидаемые от переводчика по роду его профессиональной деятельности.

По мере приобретения опыта владения новым языком укрепляются связи между словом Я2 и его переводным коррелятом в Я1. Благодаря регулярному повторению в процессе коммуникации такая связь закрепляется и знаменует *вторую, т.н. медиативную ступень репрезентации слова Я2* в ментальном лексиконе индивида *посредством леммы Я1 (L1 lemma mediation stage)*. Связь иностранного слова с концептом на этой ступени оказывается ослабленной, так как каким бы образом не осуществлялся доступ от слова к концепту, непосредственно или через переводной эквивалент на Я1, информация в ментальном лексиконе индивида медиатизирована леммой первого языка.

Только на *третьей, интегративной (integration) ступени* репрезентация слова на втором языке осуществляется в ментальном лексиконе билингва с привлечением всех типов информации, лексемной и лемматической, касающейся слова на Я2, т.е. слово на иностранном языке непосредственно выводит на концепт.

Теоретически любой изучающий иностранный язык может достичь третьей, высшей ступени в его освоении, однако большинство билингов надолго, а некоторые и навсегда, останавливаются на второй. Это объясняется тем, что лемматическая часть, однажды занятая в ментальном лексиконе информацией о Я1, впоследствии препятствует замене её лемматической информацией о Я2. Конструктивный синкретизм переводчика как раз и формируется в вынужденном стремлении «подниматься» с медиативной ступени на интегративную, на которой слово Я2 представлено всеми типам информации и непосредственно выводит на объективируемый им концепт.

Считается, что если значение и другую информацию о слове Я2 можно с достаточной долей автоматизма извлечь из леммы его переводного эквивалента на Я1, то при языковой обработке такого слова исчезает мотивация выводить его значение из непосредственных контекстов речевого опыта. Для переводчика такая мотивация присутствует всегда. Она не может исчезнуть, так как переводческие решения принимаются и корректируются в постоянном сравнении информации, представленной концептами двух языков. Выбор переводческого решения - это попытка «осознать сознания» продуцента и реципиента и создать интегративные структуры, обеспечивающие актуализацию подлежащего передаче ментального содержания. Осуществить подобную деятельность призван билингв со специфическим знанием двух языков, в языковом сознании которого преобладает или находится в состоянии динамического становления *конструктивный тип синкретизма*, с одной стороны, детерминированный профессиональной деятельностью индивида, а с другой - оптимизирующий её.

Третья глава работы - **«Посредническая деятельность переводчика: мотивационное и концептуально-смысловое моделирование»** - посвящена речемыслительной деятельности переводчика, которая представляет собой психолингвистический процесс порождения смыслов на базе образования интегративных когнитивных структур и моделей ИЯ и ПЯ.

Принципиально важным в содержании главы является переход от описания содержательно-статического аспекта мыслительной деятельности переводчика (*сознания*) к анализу её процессуально-динамического аспекта (*мышления*). В личности переводчика, признаваемой одним из основных параметров в психолингвистических и когнитивных моделях перевода, особо выделим его *языковую способность* как главенствующий структурообразующий фактор перевода.

В настоящее время сложилось множество аргументов, свидетельствующих не столько о сложной иерархической структуре понятия «личность», о её способности взаимодействовать с внутренними и внешними факторами, сколько о необходимости учёта содержательной стороны процессов, под влиянием которых она может проявлять свойства, отсутствующие у составляющих её элементов. Приобретая качества синергетической системы, личность предстаёт как *относительно* устойчивое открытое, нелинейное, диссипативное образование (см., например, Г. Хакен, В.А. Пищальникова).

Данные качества в полной мере относятся и к языковой личности, характеризующей в самом общем смысле человека как носителя языка. В таком понимании языковая личность в теории Ю.Н. Караулова ассоциируется с двумя феноменами: 1) с любым носителем языка, «охарактеризованным на основе анализа произведённых им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности и достижения определённых целей»; 2) с комплексным способом описания языковой способности индивида, соединяющим системное

представление языка с функциональным описанием текстов. Языковая личность признаётся многокомпонентным, структурированным образованием, которое представляет собой различные степени готовности индивида к речевой деятельности, к производству и восприятию речевых произведений. Несколько иные качества языковой личности выделяются в лингводидактике (Г.И. Богин).

В данной главе выдвигается и аргументируется предположение о том, что с учётом иерархии мотивов, под воздействием гетерогенных влияний внешней среды структурные уровни личности билингвальной, «вторичной», профессионально ориентированной на перевод, способны перестраиваться. Благодаря сознательному и целенаправленному сочетанию задействованных сил и энергии они приобретут дополнительные качества, вплоть до нового - качества *виртуального органа*, способного обеспечить успешную координацию и гармонию своего функционирования.

В работе представлена **модель переводческой языковой личности**, обусловленная характером посреднической деятельности, в которой участвует индивид. В нашем случае эта модель - *психолингвистическая*. Её объектом является языковая способность индивида, осваивающего специфический вид речевой деятельности - письменный перевод. Такое исследование соотношения языковой способности с сознанием/мышлением и личностью, по мнению А.А. Леонтьева, характеризует один из аспектов эволюции взглядов на предмет современной психолингвистики, которая все чаще обращается к соотношению личности со структурой и функциями речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной «образующей» образа мира человека, с другой.

i Идея именно функциональных, а не анатомических органов впервые была сформулирована А.А. Ухтомским в учении о доминанте. В его понимании орган - это механизм с определённым однозначным действием. По своей природе он динамичен и подвижен. «Органом может служить, по моему убеждению и с моей точки зрения, *всякое сочетание сил*, могущее привести при прочих равных условиях всякий раз к одинаковым результатам», - пишет учёный в своём труде «Доминанта».

Деятельность функционального органа объясняется закономерностями работы нервной системы, симптомокомплексом доминанты. Учение о доминанте как *физиологической* основе существования функциональных органов дополняется *психофизиологическими* положениями теории функциональных систем П.К. Анохина. Учёного интересовали такие системы, которые способны к высокой самоорганизации для получения *фокусированного полезного результата*. Таким образом, получение результата, опережающее отражение действительности, динамичность - основные черты любой функциональной системы и сформированного на её основе «функционального органа». Функциональность, являясь онтологической характеристикой языковой личности как функционального органа, *отражает способность личности в зависимости от средовых условий проявлять/образовывать новые свойства в процессе своего функционирования для осуществления определённого достижения*.

Функциональность является и онтологической характеристикой речевой деятельности, в которой участвует личность. В постоянной смене позиций индивид выступает то в качестве «означивающего аппарата» (У. Эко), высвечивающего смысл сообщения, то в качестве его продуцента, демонстрируя творческий характер речевой деятельности, сотканный из потенциала языковых знаков, проявлению которого способствуют неисчерпаемые креативные возможности их пользователей. При этом творчество квалифицируется не только как лексико-семантические или лексико-грамматические преобразования. Творчество обусловлено и может опираться на познавательный опыт говорящего. Оно представляет собой преобразования, порождаемые «не значением, а жизнью», причём жизнью не только отдельного человека, содержанием не только отдельной концептуальной системы, но концептосферой нации, которая, как однажды заметил Д.С. Лихачёв, соотносима с культурным опытом народа. В результате такого творчества появляются смыслы - речевая деятельность предстаёт *речесмыслорождением*.

При этом неаддитивность смыслов, проявляемая в речи (и переводе), подтверждает представления о том, что если речевые реализации с течением времени и могут привести изменения в семантический потенциал языковой единицы, то сами они не находятся в отношении жёсткой детерминации с существующим в системе языка назначением единицы. Семантические, и переводческие изыскания приводят к аналогичному выводу: создаваемый в обоих процессах новый смысл *предопределён* не семантической, а концептуальной структурой анализируемой языковой единицы в сознании коммуниканта, и его понимание может требовать выхода за пределы знака. В то же время, если значение воспринимать в его когнитивной интерпретации, где Оно характеризуется как «стабильно-нестабильная», «устойчивая, но принципиально динамическая структура, реализующая определённый способ познания действительности» (В.А. Пищальникова), то значение как раз и выступает основой смыслопорождения, одновременно ограничивая исследовательский «произвол». Динамическая структура значения предполагает множественность заложенных в ней смыслов, которые обнаруживаются в процессе речепорождения в определённой коммуникативной ситуации.

Таким образом, в речевой деятельности наряду с конвенциональным содержанием языковых знаков рождаются смыслы, понимание которых требует выводных знаний, обращения к механизмам инференции. Смыслы, подлежащие переводу, актуализируются в речевой деятельности по законам знакообразования, с привлечением альтернативных когнитивных моделей и языковых средств переводящего языка, наилучшим образом отвечающих целям коммуникации.

Если в речи тождественные с точки зрения семантической структуры языковые единицы репрезентируют разные смыслы в зависимости от среды своего обитания, в качестве которой выступает концептуальная система, и шире, культура коммуниканта, то справедливо предположить, что определённые свойства единиц языка способны проявляться лишь в определённых условиях.

Подобно тому, как свойства физических объектов относительно к условиям наблюдения, содержание языковых единиц также оказывается обусловленным «измерительными» устройствами при установлении их свойств. В качестве измерителей выступают концептуальная система индивида, его языковая личность. Ср.: «Вместо жёсткой идеализации, видимо, можно, вслед за физиками, и лингвистам принять представление об *относительности свойств лингвистических объектов к средствам наблюдения*, активно используя понятия вероятности и потенциальной возможности» (И.А. Герман, В.А. Пищальникова). Однако для целей нашего исследования более важным является тот факт, что *относительными оказываются и свойства самих «измерителей»*. Но в определённых условиях, в состоянии «избытка недостатка» (Ж. Батай) личность способна переструктурироваться, она открыта для совершенствования и оптимализации своих способностей, а также для формирования новых качеств и функций. Это проявляется, например, в действии сложного *психофизиологического механизма*, одного из структурообразующих факторов в личности переводчика, который Л.В. Щерба определил как *речевую организацию человека*. Отечественная психолингвистика отождествляет этот механизм с *языковой способностью*.

В диссертации языковая способность рассматривается как система ментальных правил, факт ментального уровня, результат обобщённого динамического речевого опыта. Для представления интериоризованного языкового опыта в современной лингвистике используется ещё один термин -внутренний/ментальный лексикон. Понятия традиционно разнятся и пересекаются, но и у билингва, и у монолингва они выполняют основное предназначение, которое Р.И. Павилёнис видит в том, что, манипулируя вербальными символами, человек получает возможность манипулировать концептами системы.

Вместе с тем информация, привносимая словом в сознание индивида, разнится в зависимости от его монолингвального или билингвального статуса. Она претерпевает дальнейшую дифференциацию в зависимости от профессиональной принадлежности билингва. Владение смыслом, степень «погружения» в него у переводчика и «обычного» билингва отличны. Более того, перевод стандартный, не содержащий лакун текст *для себя*, можно обойтись без образов языковых знаков. Напротив, обработка информации, направленной вовне, подлежащей передаче *другому*, что, собственно, и составляет суть переводческого посредничества, должна воплотиться в слове и оформиться принятыми для переводящего языка способами.

Для этого переводчик-билингв прибегает к особым способам организации своей деятельности. Он осуществляет рефлексивную над словом, его местом в ментальном лексиконе говорящих на исходном языке. Рождение смысла, поиск альтернативных вариантов его воплощения на языке перевода в большинстве случаев сопровождается одновременным *намеренным* выведением на «табло сознания» образов слов двух языков. То, что традиционно рассматривается в качестве помехи, несовершенства языковой способности билингва по

сравнению с монолингвом (ср. *неконструктивный билингвизм*), в процессе перевода приобретает качество специфической формы активности. Ориентируясь на конечную цель, предвосхищая её, переводчик целенаправленно организует свои действия, т. е. прибегает к определённым *деятельностным стратегиям* - способам самоорганизации личности в процессе деятельности (В.В. Гусев).

В подобной ситуации стратегия предстаёт не простым набором действий по обработке информации, а активной функцией личности, организующей свою деятельность в соответствии с образом результата и избирающей для этого оптимальные пути. Такое понимание стратегии хорошо согласуется с предлагаемой дальнейшей дифференциацией понятия «языковая способность» и введением двойного обозначения: «языковая способность» и «когнитивная компетенция», которые находятся в отношениях дополнительности и являются двумя сторонами одного феномена для профессионального, особенно формирующегося билингва (В.А. Пищальникова, Е.В. Яковченко). Когнитивная компетенция акцентирует операциональную природу языковой способности. Этот аспект языковой способности переводчика-билингва крайне важен, так как в этом случае часто неосознаваемые носителями языка механизмы функционирования языковой способности попадают в фокус сознания, становятся элементами метакогнитивного анализа.

Итак, в модели языковой личности переводчика-билингва постоянно развивающийся механизм вербализации ментального содержания может быть представлен тремя взаимодействующими, взаимодополняющими друг друга компонентами: *ментальным лексиконом, когнитивной компетенцией и собственно языковой способностью*.

Диалогичная по природе речевая деятельность предполагает в своей структуре возникновение индивидуальных, случайных смыслов или их компонентов, что придаёт ей характер нестабильности. В переводе регулярно возникают условия, и ситуации, в которых нарушаются «традиционные предписания» об употреблении языковых единиц, ощущается непрояснённая смысла воспринимаемой и продуцируемой речи. Под воздействием гетерогенных внешних факторов неизбежны изменения в концептуальной системе переводчика, в его языковой личности, в конституирующих её компонентах. В работе выдвигается и обосновывается положение, о том, что в случае когнитивного диссонанса все элементы переводческой системы будут настроены на положительный результат благодаря «аффективной окраске» (В.З. Демьянков) переводческого посредничества, возникающей и направляемой *мотивационной, конструктивной деятельностью языковой личности переводчика*. Смена мотивов деятельности приводит к появлению случайных компонентов в личности-системе переводчика, что переструктурирует систему и способствует приобретению ею новых качеств. В процессе профессиональной деятельности все психические функции переводчика организуются для создания оптимизирующих стратегий по операциям с информацией, для доступа к сложным комплексам ментального лексикона, для совершенствования его языковой способности. В такой ситуации

переводческая личность и предстаёт особым «функциональным органом», сочетанием сил, призванным снять «избыток недостатка».

Поскольку личность переводчика действует по функциональному принципу, т. е. порождает когнитивные структуры под влиянием средовых обстоятельств, то постоянно расширяется его **ментальный лексикон**, обеспечивающий индивида информацией об оперативном участии языковых единиц в осуществлении речевой деятельности. В процессе межкультурной коммуникации, приносящей дополнительную напряжённость в ментальную деятельность переводчика, в его концептуальной системе происходят когнитивные, эмоциональные и поведенческие изменения. Эти *культурные трансформации* детерминируют совершенствование **когнитивной компетенции** переводчика, т.е. набора осуществляемых им оптимизирующих стратегий по операциям с информацией. В свою очередь, эти стратегии операционализируются, происходит их *адаптация*, что оказывает влияние на развитие **языковой способности**. Благодаря развитой языковой способности пополняется ментальный лексикон индивида. Таким образом, создаётся своеобразная модель «когнитивного круга» переводческой языковой личности, представленная на приводимом ниже рисунке

Рисунок 1. Модель «когнитивного круга» переводческой личности

Цель **четвёртой главы «Экспериментально-аналитическое исследование посреднической деятельности переводчика»** - показать, что привносит в посредническую деятельность переводчика обращение к понятию «языковое сознание».

Мы осознаём, что реальный процесс порождения / восприятия смыслов индивидом не аналогичен обнаружению компонентов смысла в анализе. Тем не менее обращение к интегративной модели концепта, предложенной для исследования речевой деятельности и экстраполированной на перевод, имеет реальную познавательную перспективу. У переводчика появляется возможность предопределить зоны несовпадения концептуальных систем коммуникантов и наметить возможные пути интерпретационного процесса. В работе рассматриваются языковые единицы, являющиеся доступом к концептам, которые находятся в двух языках в отношениях *включения* INDIAN SUMMER и *пересечения* COMMUNITY.

Исходным пунктом всех наших предшествующих теоретических рассуждений было положение о том, что за словом у человека стоит многомерная симультанная структура знаний. Следовательно, избираемая переводчиком языковая единица переводящего языка, должна стать знаком актуального содержания речи, т.е. смысла. Для реализации такого положения во внимание переводящего попадает семантическая структура слова; информация, полученная после её обработки, даёт возможность составить представление о когнитивной, познавательной структуре слова. Результаты ассоциативного эксперимента привносят информацию о том, как осмысливается исследуемая единица членами определённого лингвокультурного сообщества, о месте, которое исследуемая единица занимает в их концептуальной системе. Ассоциативная структура является базой интерпретации содержания. Наконец, смысл сообщаемого уточняется в зависимости от сложившейся мотивационно-эмоциональной ситуации.

Перевод - одна из форм межкультурной коммуникации. Центральную статусную позицию в ней занимает переводчик, организуя и выстраивая двuasпектную деятельность понимания и смыслопорождения. Присутствие различий в сознании общающихся является нормой межкультурной коммуникации, что и должен учитывать переводчик, определяя стратегии своей деятельности. Эти стратегии обусловлены соотношением концептуальных систем коммуникантов, результатами рефлексии над сопоставлением интериоризированных переводчиком познавательных (когнитивных) структур значения разных языков, преломлением их в конкретном акте коммуникации.

Перевод является сложной системой *отношений*, в которой место каждого компонента детерминировано его значимостью в контексте ситуации, текста, культуры, опыта. Поэтому переводчик находится в состоянии постоянного выбора, принятия решений, от которых зависит «встретятся, состыкуются» ли образы мира в сознании коммуникантов, а значит осуществится ли вообще процесс коммуникации.

Инструментом «диалога сознания» людей, принадлежащих к разным лингвокультурным сообществам, являются познавательные (когнитивные) структуры. Отсюда, приоритетные стратегии при переводе направлены на поиски способов целесообразного обмена такими структурами или на их создание. Формирование и обмен структурами может осуществляться посредством:

а) ориентации переводчика в коммуникативном пространстве определённого сообщества в направлении *etic - emic - etic*;

б) осуществления переводческой рефлексии, позволяющей предопределить зоны несовпадения концептуальных систем (сознаний) коммуникантов (зоны текстового напряжения) и наметить пути интерпретационного процесса, руководствуясь когнитивной моделью соотношения значения и смысла.

Заключение. Таким образом, в диссертации представлена интегративная концепция вербальной посреднической деятельности переводчика. Проведённое исследование соединило в себе ключевые положения психолингвистики, семиотики, когнитивной лингвистики и теории межкультурной коммуникации, что позволило выделить в переводческой деятельности особый параметр - личность переводчика, акцентировать специфику его сознания и мышления. Особенностью разработанной концепции является представление переводческой личности как особого «функционального органа», посредством которого в процессе медиативной деятельности все психические функции переводчика организуются и направляются на создание оптимизирующих стратегий оперирования с информацией, на обеспечение доступа к сложным комплексам ментального лексикона, на совершенствование языковой способности переводчика. Иерархизация мотивов посреднической деятельности, постоянно происходящие в сознании/мышлении переводчика обмены информацией со средой способствуют переструктурированию языкового сознания и языковой способности переводчика.

В рамках данного направления имеются следующие перспективные линии дальнейших исследований:

1. Расширение сферы и представленное™ языковых явлений, которые могут быть опознаны как культурноспецифические. Культурная специфика проявляется не только в значении слов, но и в грамматических формах и конструкциях (статический аспект). Культурноспецифическими могут оказаться стратегии организации языковых единиц, принятые в отдельном лингвокультурном сообществе в зависимости от типа дискурса, в котором они употребляются (динамический аспект).
2. Выявление психологической реальности механизма, обеспечивающего вербализацию ментального содержания в представленной в третьей главе модели «когнитивного круга», может внести уточнения в специфику выделенных компонентов модели.

Основные публикации, отражающие содержание диссертации

1. Пшёнкина Т.Г. Психолингвистические основания вербальной посреднической деятельности переводчика: Монография. - Барнаул: Изд-во Барнаул, пед. ун-та, 2005. -240 с.
2. Пшёнкина Т.Г. Роль переводчика в реализации диалога сознаний представителей разных национальных культур // Аспекты исследования картины мира: Коллективная монография. - Москва-Барнаул: Изд-во Алт. тех. ун-та, 2003. - С. 212-148.
3. Пшёнкина Т.Г. Сопоставительный анализ передачи образности фразеологических единиц в английском и русском языках // Сопоставительный анализ языковых единиц / Межвуз. сборник науч. трудов. - Барнаул: Изд-во Барнаул, пед. ин-т, 1986. - С. 111-121.
4. Пшёнкина Т.Г. Роль английской детской литературы в преподавании иностранного языка // Обучение иностранному языку в аспекте взаимодействия культур: Мат-лы междунар. конференции. - Барнаул: Изд-во Барнаул, пед. ун-та, 1995. - С. 62-63.
5. Пшёнкина Т.Г. Особенности восприятия текстовой информации, содержащей в своём составе национально-культурный компонент // Язык и культура: Мат-лы междунар. научной конференции. - Барнаул: Изд-во Барнаул, пед. ун-та, 1997. - С. 121-124.
6. Пшёнкина Т.Г. Культурологические проблемы на пути восприятия иноязычного текста // Культура и текст. - Барнаул: Изд-во Барнаул, пед. ун-та, 1998. - Вып. 4. - С. 20-23.
7. Пшёнкина Т.Г. Некоторые особенности восприятия и порождения речевого высказывания в условиях межкультурной коммуникации // Проблемы вербальной коммуникации и представления знаний: Сборник материалов Всерос. науч. конференции. - Иркутск: ИГЛУ, 1998. - С. 145 - 147.
8. Пшёнкина Т.Г. Национально-культурная специфика фразеологических единиц // Формирование социолингвистической компетенции: проблемы и перспективы: Мат-лы междунар. науч.-практич. конференции. - Барнаул: Изд-во Барнаул, пед. ун-та, 1998. - 4.2.-С. 65-69.
9. Пшёнкина Т.Г. Переводческие компенсации в процессе межкультурного общения // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. - С. 84-87.
10. Пшёнкина Т.Г. Коммуникативный аспект перевода как интегрирующий фактор переводческой деятельности // Актуальные проблемы сопоставительного языкознания и межкультурной коммуникации: Мат-лы междунар. конференции. - Уфа: Изд-во Башкирок, ун-та, 1999. - С. 177-179.
11. Пшёнкина Т.Г. Этнокультурологический аспект в обучении иностранным языкам // Методология обучения иностранным языкам в ВУЗАХ: Мат-лы междунар. науч.-практич. конференции. - Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999. - С. 132-134.
12. Пшёнкина Т.Г. Этнокультурные ценности в предвыборном дискурсе // Политический дискурс в России - 4: Мат-лы рабочего совещания / Под ред. В.И. Базылева и Ю.А. Сорокина. - М.: Диалог-МГУ, 1999. - С. 81-83.
13. Пшёнкина Т.Г. Некоторые тенденции современного переводоведения // Современное лингвистическое образование: мир изучаемого языка: Мат-лы междунар. науч.-практич. конференции. - Барнаул: Изд-во Барнаул, пед. ун-та, 2000. - Ч. 2. - С. 69-78.
14. Пшёнкина Т.Г. Некоторые аспекты подготовки переводчиков - специалистов в области межкультурной коммуникации // Поликультурное образование на Северном Кавказе: проблемы, тенденции, перспективы: Мат-лы междунар. науч.-практич. конференции. - Махачкала: ИПД ДГУ, 2000. - С. 106-107.
15. Пшёнкина Т.Г. Культурологические аспекты перевода // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. - С. 56-65.

16. Пшёнкина Т.Г. Концептуальная система коммуникантов и перевод //
Материалы
III- регионального семинара по проблемам систематики языка и речевой
деятельности. - Иркутск: ИГЛУ, 2000. - С. 68-73.
17. Пшёнкина Т.Г. Роль перевода в обучении иностранному языку // Российская
дидактическая школа и преподавание второго языка (памяти П.Я. Гальперина). -
Новосибирск, Новосиб. ун-т, 2001. - С. 152-154.
18. Пшёнкина Т.Г. Актуальные вопросы переводческой деятельности в
«Разговоре о
переводах» Н.М. Бахтина // Мир языка и культуры: Мат-лы междунар. науч.-
практич. конференции. - Благовещенск: Изд-во Благовещ. пед ун-та, 2001. С. 46-
49.
19. Пшёнкина Т.Г. Становление общей теории перевода: общепилологический
аспект
// Вестник БГПУ. Серия: Гуманитарные науки / Барнаул, пед.-ун-т. - Барнаул,
2001.
-Вып. 1.-С. 22-30.
20. Пшёнкина Т.Г. Посредническая роль перевода в межкультурной
коммуникации //
Культура межнационального общения: проблемы формирования и развития: Мат-лы
региональной науч.-практич. конференции. - Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2002. - С.
29-31.
21. Пшёнкина Т.Г. Основания переводческой ориентации при
переводе
культурноспецифического // Реальность, язык и сознание: Международный
межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. / Отв. ред. Т.А. Фесенко. -
Тамбов:
Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. - С. 165-172.
22. Пшёнкина Т.Г. Роль переводчика в процессе межкультурного общения // Язык.
Культура. Коммуникация: Мат-лы междунар. науч.-практич. конференции. -
Барнаул: : Изд-во Барнаул, пед. ун-та, 2002. - С. 39-46.
23. Пшёнкина Т.Г. Ориентация переводчика в пространстве смысла // Языковое
бытие
человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. - М.: ИЯ
РАН,
МГЭИ, 2002. - Вып. 5. - С. 91-94.
24. Пшёнкина Т.Г. «Бабье лето» vs. «Indian Summer»: перевод как
взаимодействие
когнитивных структур // Методология современной психолингвистики: Сб.
статей.
- Москва, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. - С. 100-121.
25. Пшёнкина Т.Г. «Картинообразующая» функция языка и её реализация в
переводе //
Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. -
Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2003. Т. 1. - Вып. 1. - С. 88-97.
26. Пшёнкина Т.Г. Посредническая роль переводчика в межкультурном
общении //
Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты:
Сб. статей / Под общ. ред. В.А. Пищальниковой. - Москва, Барнаул: Изд-во Алт.
гос. ун-та, 2003. - С. 178-186.
27. Пшёнкина Т.Г. Функционально детерминированные
особенности
культурноспецифических языковых единиц и их учёт при переводе // Проблемы
межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике: Мат-лы науч.-
практич. конференции. - Барнаул: : Изд-во Барнаул, пед. ун-та, 2003. - С. 228-
236.
28. Пшёнкина Т.Г. Иконическое в природе знака и его реализация в
переводе //
Коммуникативно-парадигматические аспекты исследования языковых единиц: Сб.
статей к юбилею проф. М.Я. Блоха. - Барнаул: Изд-во Барнаул, пед. ун-та, 2004.
Ч.
1.-С. 187-195.
29. Пшёнкина Т.Г. Типология языковых знаков и её преломление в межъязыковом
переводе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. -
Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2005. Т. 3. - Вып. 1. - С. 82-90.